

Илья ЭРЕНБУРГ

Портреты русских поэтов

<фрагмент>

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Огромные, широко разверстые глаза, бушующие костры на бледном, изможденном лице. Непомерно высокий лоб, с островком стоящих дыбом волос. Читает он, — будто Сивилла вещающая, и, читая, руками машет, подчеркивая ритм не стихов, но своих тайных помыслов. Это почти что смешно, и порой Белый кажется великолепным клоуном. Но когда он рядом, — тревога и томление, ощущение какого-то стихийного неблагополучия овладевает всеми. Ветер в комнате. Кто-то мне пояснил, что такое впечатление производят люди гениальные. Мой опыт в этой области невелик, и я склонен верить на слово. Андрей Белый гениален. Только странно, отчего минутами передо мной не храм, а лишь трагический балаган.

Есть поэты подобные эоловой арфе, и есть поэты ветру подобные: «что» и «как». Белый выше и значительнее своих книг. Он — блуждающий дух, не нашедший плоти, поток — вне берегов. На минуту ложной жизнью оживляет он белый неподвижный камень и потом отходит от него. Его романы и стихи, симфонии и философские трактаты — это не Белый, но только чужие изваяния, мертвый музей, таящий еще следы его горячего дыхания. Пророк, не способный высечь на скрижалях письмена. Его губы невнятно шевелятся, повторяя имя неведомого Бога. Вместо учения — несколько случайных притчей, отдельные разбросанные камни небывшего ожерелья.

Нас немного раздражает это летучее лицо, которое так быстро проносится мимо, что остается в памяти лишь светлая туманность. Белый — в блузе работника, строящий в Дорнахе теософский храм, и Белый с террористами, влюбленный в грядущую революцию. Белый — церковник и Белый — эстет, описывающий парики маркизов. Белый, считающий с учениками пэоны Венеитинова¹, и Белый — в «Пролеткульте», восторженно внимающий

беспомощным стихам о фабричных гудках². Их много, Белых, и много наивных людей, крепко сжимая пустые руки, верят, что поймали ветер. Мы все так ждем пророков, так жаждем указующего жезла и ног, которые можно было бы лобызать. Почему же никто не пошел за Белым, ни в Дорнах, ни в «Пролеткульт», почему одинок он в своих круговселенских путешествиях? Почему одни не целуют края его одежд, а другие не побивают его камнями? Почему даже это пламенное слово «гений», когда говорят о Белом, звучит как титул, как ярлык, заготовленный каким-нибудь журнальным критиком? Белый мог быть пророком: его мудрость горит, ибо она безумна, его безумие юродивого озарено божественной мудростью. Но «шестикрылый серафим», слетев к нему, не кончил работы. Он разверз очи поэта, он дал ему услышать нездешний ритм, он подарил ему «жалю мудрое змеи»³, но он не коснулся его сердца.

Какое странное противоречие; неистовая пламенная мысль, а в сердце вместо пылающего угля — лед. И, глядя на сверкающие кристаллы, на алмазные венцы горных вершин, жаждущие пророка почтительно, даже восторженно говорят: «гениально». Но ставят прочитанный томик на полку просто. Любовь и ненависть могут вести за собой людей, но не безумие чисел, не математика космоса, — видения Белого полны великолепия и холода. Золото в лазури, — не полдневное светило июня, но осенний закат в ясный ветренный день над вспененным морем. Холодный синий огонь, а в мраморной урне легчайший серебряный пепел. В его ритме нет ни биения сердца, ни голосов земли. Так звенят великолепные водопады высоко, там, где уже трудно дышать, где простой человеческий голос звучит как рог архистратига, где слезы, теплые, людские, мгновенно претворяются в прекрасные, блистающие, мертвые звезды. Впрочем, все это лишь различие климатических зон.

Разве Белый виновен в том, что он родился не в долине? Конечно, мы тоже не виновны в нашей привязанности к приземистым лагунам. Остается благословить разнообразие природы и помечтать о скорейшем изобретении вселенских лифтов. Пока же мы радуемся, что кто-то, пусть без нас, пусть один, стоит наверху. Оттуда виднее. Оттуда и только оттуда, где видны не губернии, но миры, где слышен ход не дней, но тысячелетий, могли быть брошены вниз прекрасные слова о России — «Мессии грядущего дня»⁴. В этом титаническом масштабе наше спасенье, среди бурь, которые преобразуют мир, но также рвут одежду и бьют утварь. Оценим же в Белом не лоцмана, не желанный берег, но лишь голубя, который принес нам весть о земле неизвестной, но близкой и верной.

